

155 лет со дня рождения А. М. Горького
150 лет со дня рождения Ф. И. Шаляпина

эссе

Горький
и
Шаляпин,
1903

153

Горький и Шаляпин

«...В дружеских отношениях!»

Люблю я тебя, мой огромный человек, и считаю счастьем великим, кроме того, что живу в одно время с тобой, ещё имею исключительную привилегию быть с тобой в дружеских отношениях!

Шаляпин – Горькому, 1926

В ЖИЗНИ Фёдора Ивановича Шаляпина была одна огромная, непререкаемо священная

персона, тот постоянный центр притяжения, вокруг которого бурлила напряжённая жизнь эпохи в её ярчайших проявлениях. Этой персоной был писатель Максим Горький – Алексей Максимович Пешков. Грандиозная, многогранная, противоречивая личность писателя крепко повлияла на формирование души Фёдора Ивановича, отзывчивой к каждому яркому впечатлению. Судьбоносная встреча, когда завязалась их дружба, происходит в сентябре

Анна Акгурина

*Фёдор Шаляпин
лепит автопортрет,
1912*

1900 года в Москве, хотя молодые люди неоднократно пересекались в Казани, Уфе, Нижнем Новгороде, на волжских пристанях и станциях...

Казань! Они жили на одной улице – Рыбнорядской. Федя встречал Алексея Пешкова в булочной марксиста Андрея Деренкова на Большой Лецкой, куда бегал за хлебом. Курьёз – они даже одновременно поступали в хор Казанской оперы! Только Федю тогда забраковали – голос ломался, а Алексея приняли.

Зато не приняли Алексея в Казанский университет, ради поступления в который юноша, собственно, и приехал в Казань.

12 декабря 1887 года 19-летний Алексей Пешков в приступе юношеской депрессии, вызванной рядом тяжёлых обстоятельств, пытался застрелиться из револьвера (по другим данным – из ружья). Для этого он выбрал высокий берег Троице-Фёдоровского монастыря над обледенелой рекой Казанкой. Встал за монастырской оградой, спиной к обрыву, чтобы как раз упасть к реке, в глубокий снег – и чтоб никто не потревожил его тела до ледохода. Пуля прострелила лёгкое. Так бы и истёк кровью несостоявшийся писатель, если бы не подоспел монастырский сторож Мустафа Юнусов, который и довёз его на подводе до ближайшей городской больницы... Признанного безнадёжным Пешкова оперировал ординатор больницы* И. П. Плюшков**. И спас. Это стало переломным моментом в судьбе Алёши. Решил: одолею эту жизнь, на зло всему одолею. Тогда и новое имя себе взял – Максим Горький. Казань стала важнейшей вехой в процессе его становления как писателя, он по праву называл этот город своей духовной родиной.

Упорно шёл к воплощению своей мечты и Фёдор. В 1889 году 16-летний паренёк поступил статистом в драматическую труппу Василия Серебрякова. 29 марта 1890 года состоялось первое выступление Шаляпина – ему доверили партию Зарецкого в опере Чайковского «Евгений Онегин» (постановка Казанского общества любителей сценического искусства). Фёдор был зачислен в хор опереточной антрепризы Серебрякова. В сентябре он переехал в Уфу, где получил возможность петь сольные партии в труппе Семёнова-Самарского.

* Адрес больницы: д. 17 по ул. К. Маркса в Казани.

** В отдельных источниках – И. П. Плюшкин.

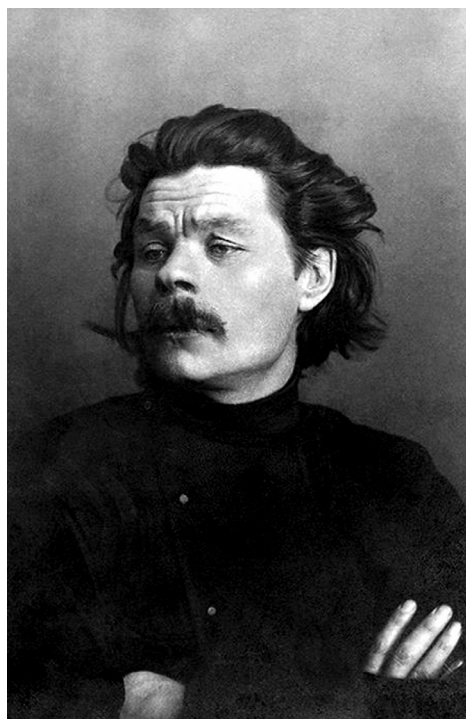
Исколесив позже всю Европу, певец ностальгически замечал: «Казань – прекраснейший город».

В Уфе Фёдор состоял артельщиком на железнодорожной станции, где снова встречал Горького, передвигавшего вагоны с одного пути на другой. В местных изданиях тогда появились рассказы о жизни рабочего человека. Шаляпин вспоминал, что слова неизвестного автора трогали сердце своей правдой. Это и был Максим Горький.

* * *

Встретив Шаляпина в Москве, Максим Горький во многом определил круг общения молодого артиста: он ввёл его в элитарное общество писателей и публицистов Серебряного века, познакомил со многими организаторами театрального процесса, меценатами. Дружба с Горьким придавала особый флёр личности Шаляпина, стала поводом для публичных высказываний серьёзных критиков и мелких «нюсмейкеров» бульварной прессы. Всё это способствовало продвижению карьеры Шаляпина и вниманию к нему Саввы Мамонтова и Сергея Дягилева, во многом сыгравших ключевую роль в творческой судьбе певца в России и за границей.

Интеллектуальный кружок «Среда», в котором блистал Горький, окружённый своими почитателями (их иронически называли «подмаксимками»), состоял не только из пишущей братии. «Кроме наших членов, было много приглашённых актёров и литераторов. Тех, кого я сейчас могу вспомнить: Василий Качалов, Ольга Книппер-Чехова, авторы Крандиевская, Вербицкая, Щепкина-Куперник. Также присутствовали известные журналисты, врачи, юристы, исследователи и художники...» – писал Н. Телешов о публичном чтении Горьким пьесы «На дне» на квартире Л. Андреева в Москве, в 1902 году.

Максим Горький, 1904

Фёдор Шаляпин становится полноправным участником как литературно-художественного кружка, так и художественных процессов того времени. В пёстрой артистической среде Фёдор Шаляпин чувствовал себя своим. Здесь, среди известных театральных деятелей, композиторов и музыкантов, (Рахманинов, Глазунов, Станиславский...) происходила огранка и шлифовка его музыкального и артистического таланта. Впрочем, с Рахманиновым Шаляпин профессионально сотрудничал, по крайней мере, с 1897 года, когда выступал в частной опере мецената Саввы Мамонтова. Именно «Рахманинов довёл музыкально-сценическое развитие Шаляпина до степени профессиональной зрелости», – отмечает музыковед Вера Россихина. В 1899 году певец оставляет проект Саввы Мамонтова и подписывает контракт с Большим театром. В 1901-м Шаляпин впервые поёт в Ла Скале, а в 1905-м – в Лондоне.

В этот период великого артиста многократно портретируют лучшие живописцы и графики России – Репин, Полenov, Богданов-Бельский, Серов, Кустодиев, Головин, Коровин, Григорьев, Сорин, Пастернак, Шухаев, скульптор Трубецкой... Его изображают в сценическом гриме и «на свободе», в частном кругу. В качестве модели Шаляпин был очень хорош – он часами стоял как вкопанный, и во всё время позирования оставался в образе, без остатка растворяясь в роли. Это его уникальное качество особенно восхищало Александра Головина, написавшего семь сценических портретов Шаляпина, пять из которых – в полный рост и в подлинном антураже постановки.

На примере этих полотен можно изучить сразу все стили и направления, имеющие место на рубеже XIX–XX веков, от господствующего символизма до академического реализма. Здесь импрессионизм последовательно сменяется полуабстрактным приёмом, декоративный стиль – дотошным натурализмом.

Фёдор Иванович и сам приобщён был к изобразительному искусству, отменно владел резцом и кистью, создавал полные экспрессии профессиональные эскизы будущих персонажей, грима и костюмов, карандашные автопортреты.

Алексей Максимович Горький не так был обласкан художниками. Но и он, говоря по чести, вовсе не был обделён их вниманием. Высокий, угловатый, обладающий характерной фактурой, выразительным профилем, нижегородский бунтарь никак не уступал Шаляпину. И если гуттаперчевый облик позволял артисту принимать абсолютно любое обличье, писатель мимики не поддавался.

Все помнят классический портрет Максима Горького кисти Валентина Серова (1905) и знаменитый рисунок Николая Андреева. Портретировали Горького Михаил Нестеров, Николай Богданов-Бельский, модернисты – Юрий Анненков, Василий Шухаев, Борис Григорьев, Валентина Ходасевич...

Весьма атмосферен итальянский портрет «Буревестника» на фоне Капри, созданный Исааком Бродским. Его романтический реализм отражает дух поэтических произведений писателя.

Но существует и ещё одно любопытное полотно, редко публикуемое, которое принадлежит живописцу Гелию Коржеву (см. 3-ю стр. обложки). Он запечатлел старых товарищей вместе, в гримёрной Шаляпина, сразу после спектакля. Погруженный в себя, артист всё ещё облачён в костюм Мефистофеля, его отточенная пластика дышит inferнальностью персонажа. Горький, подавшись вперёд, задумчиво всматривается в сумрачный профиль особым взглядом писателя – острым и словно отуманенным, точно уже видит своего виз-а-ви в новом контексте.

Полотно осталось незаконченным. Коржев писал по имприматуре, несколько участков холста так и остались нетронутыми. Но именно это и передает атмосферу рождающегося на глазах художественного замысла, который, как имаго, ещё только выпрастывает крылья из кокона неоформленности...

Начиная с 1906 года встречи Горького и Шаляпина становятся эпизодическими, однако не теряют своей значимости для обоих, хотя, случается, приобретают напряжённый характер. В это время Шаляпин пишет: «Всё... устали от этой дурацкой несносной политики». Момент истины! Отныне пути друзей расходятся, хотя это становится очевидно не сразу. Идеалист модернистической нови Горький продолжает энергично приближать мир всеобщей справедливости, а его товарищ, «Феденька, дорогой Федя, голубчик!» активно строит карьеру, покоряя иностранную публику.

В 1907 и 1908 годах Шаляпин принимает участие в грандиозных проектах Сергея Дягилева за границей, создавших великую славу отечественной музыке и сценическому искусству – в «Исторических русских концертах», а затем в Сезоне Русской оперы. Шаляпин становится признанной звездой мирового уровня, и с тех пор его слава

только растёт. Почувствовав большой куш, он расстается с Дягилевым, который не в силах более платить ему гигантские гонорары, и пускается в самостоятельное плавание: отныне за него спорят лучшие театры Европы.

Что до Максима Горького... Угар революции 1905 года позади. Наступает реакция. В 1906-м писатель покидает Россию, отправившись в США с миссией сбора средств для русской революции. Но по существу он послушный пленник, орудие в цепких руках «нимфы революции» – актрисы Марии Андреевой. После успешной поездки за океан чета оседает в Европе, где обретается до 1913 года, когда государева амнистия позволяет Горькому вернуться на родину. Дорогие итальянские отели сменяют элитарные особняки в Финляндии и Санкт-Петербурге. Горький в фаворе. Однако Февральская революция 1917 года открыла глаза писателю на страшную правду: та революция, которой он самозабвенно служил, обернулась отнюдь не воскресением новой человечности, а полным распадом и деградацией общества, экономики, морали, искусства...

В октябре 1921 года писатель снова эмигрировал в Европу, выданный вон из страны победившей властью рабочих и крестьян.

А в 1922-м Россию покидает и Фёдор Шаляпин – выехал на гастроли, но вернуться не счёл возможным. Его оппозиционный пыл антимонархиста после Октябрьской революции внезапно сменился растерянностью и возмущением: национализация банковских счетов и упразднение частной собственности и права на недвижимость мгновенно отрезвила очень многих восторженных интеллигентов, пламенно проповедовавших смерть старому строю. К таким внезапно прозревшим относились Репин, Блок, Шаляпин и тысячи других прекраснородушных витий, озарённых призраком обновления человечества и мировой справедливости... Мечта о всеобщем благе и свободе была ширмой для нового тоталитарного режима. Насилие и насаждение извращённой

модели социальной «справедливости» не могли оздоровить общество. Идея революции как «панацея» для спасения всего человечества оказалась адской ловушкой.

Однако наш «Буревестник», вполне сносно обустроившийся в изгнании на Капри, ускользнул от дамоклова меча террора – и словно утратил остроту зрения, перестал трезво оценивать объективные данные, приходящие с родины. Жил он всё так же – на широкую ногу. Но его средства контролировались Марией Андреевой и секретарём Петром Крючковым, и постаревший писатель догадывался, что все его действия изучаются сквозь увеличительное стекло соответствующими службами.

Впервые Горький вернулся в СССР в 1928-м, окончательно – в 1933 году – и с этого момента оставался невыездным, вопреки договоренности со Сталиным. Особняк Рябушинского – жемчужина русского модерна – станет последней декорацией угасания новатора, так и не сделавшего выбор между искусством и политикой. Через три года «родоначальник пролетарского реализма» завершит свой земной путь в Горках, будучи, по словам поэта и литературного критика Георгия Адамовича, «у самой черты духовного величия – и потерпев под конец жизни ужасное крушение...»

Как поссорились Фёдор Иванович и Алексей Максимович...

Я потерял друга. Из всех потерь, которые мне довелось испытать в жизни, я ни о чем так не жалею, как о разрыве с Горьким.

Ф. Шаляпин

Дружба-то эта была словно свыше замыслена, точно сама Судьба сводила их, пересекала многократно пути двух исполинов, когда они, ещё не будучи знакомы, хаживали одними улицами, в одно время, связаны были общим тяжким трудом наёмных рабочих: жили-

стый Алексей – импульсивный, полный неуёмной энергии; и Фёдор – богатырского росту юнец с роскошным голосом. Шаляпинский бас органично соответствовал неоглядности родных волжских просторов, бескрайности Родины, размаху и глубине его характера, гибкости и пластике его души.

В мире искусства нередко один художник становится пестуном и вдохновителем в жизни другого художника, играя своего рода, роль Пигмалиона* в его творческой судьбе. Чаще всего новоявленная Галатея не справляется с возложенной на неё миссией...

Так было с молодым Ильёй Репиным, которого законодатель русской критики Владимир Стасов провозгласил главным воплощением русской идеи, народным гением и главной надеждой русской живописи. Так, к примеру, случилось с Вацлавом Нижинским, талант которого выпестовал и ограничил Сергей Дягилев, выделив танцора ещё на сцене Мариинского театра, будучи чиновником особых поручений и главным редактором «Ежегодника императорских театров». В известном смысле подобным духовным ваятелем, наставником и «детоводителем» для Фёдора Шаляпина стал Максим Горький, который сформировал в обществе и в прессе героический миф, почти эпос о «богатырской некоей фигуре гениального мужика», самородка из низов, о «народном певце революции», дышащем духом революционного мятежа против царизма, «казнителей и душителей молодых сил России».

Безусловно, Горький дал определённое направление мыслям, и самой творческой деятельности своего младшего товарища, поощряя его к участию в громких благотворительных концертах в пользу нуждающихся из угнетённых слоёв и к публичным политическим

декларациям гражданских свобод. Хотя в само это понятие «свобода» они, пожалуй, вкладывали разный смысл. По большому счёту, Фёдор мыслил о личной свободе художника и индивидуалиста, о маленькой буржуазной автономности от общества. Тогда как Горький говорил о всеобщей свободе человечества от всякой авторитарной власти, более того, о ницшеанской свободе Человека перед лицом Небес, о новом человеке, отринувшем Бога.

Шаляпин был очарован и увлечён личностью, магнетической энергетикой, пассионарностью Горького, его таким выпуклым, грубым, наотмашь бьющим литературным талантом, его философией. Фёдор действительно искренне любил и боготворил своего старшего товарища, верил безоговорочно его суждениям, необыкновенно дорожил его мнением о своём искусстве, да и о своём душевном, нравственном облике. Горький был для Шаляпина не просто кумиром, но в некотором роде почти «старцем», духовником его совести, оставаясь таковым даже после их драматического разрыва.

Однако гению Шаляпина тесно было в каких бы то ни было рамках, которыми его пытался ограничить аршин Горького. Жаждающий признания, славы, богатства, страстно алчущий земных наслаждений, этого сладкого кипения жизни, воспеваемого лучшими художниками эпохи, Фёдор Иванович был истинным человеком своего времени – эпохи изошрённой пикантной прелести и артистизма, эпохи формирующегося капитализма, власти денег, урбанизации. Дорвавшись до чаши благ земных, певец никак не мог отказаться от них в пользу мировой революции и нужд пролетариата. Не крестьянство, из среды которого он происходил**, и не рабочий класс пестуют искусство – литературу, музыку, театр, сцену... Несостоявший-

* Миф о ваятеле Пигмалионе, создавшем изваяние прекрасного идеала – Галатеи, в который он влюбился, что оживило мёртвый мрамор.

** Ф. И. Шаляпин – сын крестьянина Вятского уезда Ивана Яковлевича Шаляпина.

ся сапожник* фактически разорвал кровные узы со средой, откуда произошёл, пожертвовав ими своему таланту. Он стремительно ворвался в мир искусства на правах творца и вдохновителя таких же, как он, художников, артистов. Так что его старший товарищ и брат (как называл своего «гуру» Шаляпин), «буревестник революции» и пролетарский маг, писатель Максим Горький вынужден был за время своей тесной дружбы с Шаляпиным многократно признавать, что выходец из народа предал ожидания революционно настроенной общественности.

И всё же их братство выдержало многократные кризисы и перманентный крен Шаляпина «влево» – за славой и мамоной, так возмущавший Горького; выдержало оно и суровые обличения артиста писателем в прессе. Случаи публичных бичеваний уклониста, слабого до денег и благополучия, были вполне искренними – до самой Октябрьской революции 1917 года.

К Революции Максим Горький отнёсся критически. Он наблюдал перегибы большевистской власти, описав их в «архи-скверной» брошюре «Несвоевременные мысли». Собственно, цикл этих очерков стал гражданским и гуманистическим подвигом писателя, разочаровавшегося в зверином лике общественных катаклизмов и в *modus operandi* – образе действия самого «вождя мирового пролетариата» В. И. Ленина.

После наступления «красного террора» и в особенности после начала культа личности примиряющие дружеские жесты Шаляпина стали опасны, и Горький нарочито отрекся от старого друга и в прессе, и на публике. На этом-то этапе писатель и подвёл черту под долгим братством. Случилось это в 1926 году, после несогласованного с Шаляпиным выхода в России

* Ещё подростком Фёдор был отдан в обучение сапожному делу к Н. А. Тонкову, затем В. А. Андрееву.

их совместного труда – автобиографии Шаляпина «Страницы из моей жизни» под редакцией Горького**. Шаляпин был ошарашен, увидев «пиратское» издание «Страниц» на парижских прилавках. «По сути, в Советской России не только напечатали мемуары певца без его авторского разрешения, но и продали права на распространение издания французской стороне»***. Последовал иск об авторском праве, удовлетворённый французской стороной постановлением о денежной компенсации Ф. И. Шаляпину. И громкий скандал на родине.

* * *

Россия дала нам целую эпоху универсалов, эпоху «людей пишущих» – «homo scribo». В России, начиная со времён Екатерины, а то и ранее, дневники, письма, путевые экспедиционные заметки, публицистические очерки, мемуары писали практически все – представители разных сословий, чинов, профессий... Чем бы они ни занимались, они параллельно создавали камерные, а то и эпохальные записки о собственном труде, наблюдаемых ими событиях, о современниках... Вот лишь несколько имён, относящихся к разному времени: А. В. Суворов, Н. А. Дурова, участники военных экспедиций И. А. Гончаров и баталист В. В. Верещагин, первооткрыватель Н. Н. Миклухо-Маклай, географ, ботаник, экономист П. П. Семёнов-Тян-Шанский, живописцы И. Е. Репин, И. Э. Грабарь, Н. К. Рёрих, К. А. Корвин и многие другие. Не говоря о сот-

** Эта работа была замыслена в 1909 году, а написана в соавторстве в 1916-м. Первые страницы мемуаров увидели свет в 1917 году на страницах журнала «Летопись». В 1926-м книга опубликована в США.

*** «Царь-бас» и «Буревестник революции», Марина Литюшкина, Юлия Филимонова, Полина Васильева.
<http://shaliapin-gorky.tilda.ws/>

нях простых обывателей, чьи дневники стали историческими источниками для исследователей разных отраслей.

Владеть пером в императорской России было нормой. Зачастую даже личная корреспонденция писалась с черновиком, редактировалась автором. Не было исключением и Фёдор Иванович Шаляпин.

Начиная с 1896 года, когда Шаляпин стал блистать в «Частной русской опере» Саввы Мамонтова, являвшейся достойным конкурентом Императорских театров, певца просили документировать его творческий путь. В 1909-м в газетах промелькнуло сообщение, что Шаляпин начал писать мемуары.

Горький боялся, что Шаляпин не понимает «национального, русского значения» этого жизнеописания, что в увлечении свернёт «не в ту степь», освещая ничтожное, поверхностное в жизни артиста, что его материалы попадут в руки тенденциозных издателей или «торгашей». По его концепции автобиография Шаляпина должна служить социальному прогрессу, являть пример величия и стойкости таланта русского человека. Он считал эту работу настолько важной, что предложил Шаляпину сотрудничество в её написании: ты будешь диктовать, а я – записывать. «По праву дружбы – прошу тебя – не торопись, не начинай ничего раньше, чем переговоришь со мной!» – настаивал он. И недаром образ великого певца, просиявшего из грязи, из тёмного подневольного сословия, мог стать манифестом нового человека.

«Поверь, что я отнюдь не намерен выдвигать себя в этом деле вперёд, отнюдь нет!» – уверял он друга в письме, написанном из Капри (1909). Да и впоследствии роль свою как литературного обработчика текста не выпячивал. Однако после скандала с парижским

иском Шаляпина в защиту авторского права* Горький заявил: «Если тебе внушили, что ты имеешь юридическое право считать их своей собственностью, – морального права твоего так постыдно распоряжаться этой “собственностью” я за тобой не признаю».

Отдельные исследователи (например, П. Басинский) настаивают на том, что Шаляпин был полуграмотен, и поэтому книга была написана одним Горьким. Такая трактовка представляется весьма далёкой от истины. Шаляпин обладал острым гибким умом, феноменальной памятью, писал стихи и тексты арий. Помимо того, он овладел искусством рисования и ваяния, что говорит об универсальном таланте его природы, о художественном потенциале его натуры. О качестве его литературного таланта можно судить и по его личным письмам. И главное, вторую автобиографию – «Маска и душа» – писал он сам, лично, без «литературного раба». В этой книге виден авторский стиль, трезвость, и, наконец, есть аутентичная мудрость и великодушие, которыми обладал Шаляпин как человек, несмотря на определённые свои недостатки. Вот почему и весомая доля его авторства в «Страницах» представляется мне неоспоримой.

И хотя доля участия Горького в создании первой автобиографии Шаляпина в запальчивости оценена им как две третьих всей работы, она не может являться математически точной пропорцией авторства обоих. По большому счёту, вопрос долевого участия обоих в создании «Страницы моей жизни» должны определять специалисты, в команде – лингвисты, графологи, литературоведы, аналитики, при посредстве электронной программы анализа текстов. Только тогда прекратятся спекуляции по этому вопросу.

---

* Иск к акционерному обществу «Международная книга», торгпредству СССР и фирме «Беннер и Ко».